

М
а
с
к

П **а**ула Волкова

18+

Паула Волкова

Маска

«Автор»

2025

Волкова П.

Маска / П. Волкова — «Автор», 2025

Где граница между я настоящим и я закрепощённым? Действительно ли действия одного человека могут запустить цепочку событий и повлиять на других людей?

© Волкова П., 2025

© Автор, 2025

Паула Волкова

Маска

Глава 1

Что скрывается за человеческим чувствованием? Желание обладания. Власти над другим. Монополия на каждый миллиметр кожи и души. Желание, сопряженное со страхом. Страхом признаться в зависимости от другого человека, в зависимости физической и мысленной. Мысли о возможности обладания возбуждают значительнее самого акта обладания. Пересмотр сценария властвования, обдумывание каждой детали приносит неистовое удовлетворение, и хочется закрыть глаза, чтобы растворить реальность и перенести её в плоскость параллельного мира мечтаний. Кто знает, что скрывает мимо проходящий, с виду приличный, какими запретными плодами он питает свои мысли.

Звук её грубых ботинок каждый день тревожил спокойную гладь асфальта. Вся пропитанная искренним желанием, она шла туда, где было мерзко и извращенно, но вместе с тем приносило ей неистовое удовлетворение и свободу. Впрочем, она пользовалась своим абсолютно уникальным качеством – призрачностью. Она была призраком для окружающих, но таким весьма особенным: она будоражила воздух и заставляла оборачиваться, но кроме пошевелившегося листика на дереве или резкого звука птицы, прохожие не замечали ничего.

Ещё в детстве, в то радостное для многих и печальное для неё время, она со всей ясностью и твёрдостью поняла, что мир людей – это не её мир, её всегда как будто нарочно не замечали, не играли, не видели, не помнили. Школа была ей абсолютно ненавистна, но там она научилась главному: маскироваться. Она придумала себе много масок, которые перерастали в полноценные роли, которые она с достоинством отыгрывала каждый день. Призраку всегда легко играть роли, за маской нет ничего, что помешало бы с филигранным и, по-видимому, врождённым мастерством придумывать героинь.

Так продолжалось достаточно долгое время. Она стала виртуозом масок, жонглировала ими, идя по тонкому канату, как по лезвию. Единственным условием её игры было отсутствие любых чувств и эмоций, игра – это гармоничный союз азарта и расчётливости, если к этому добавить хоть каплю спонтанности и безрассудства, что содержатся в чувствах, канатоходец сорвётся с лезвия, и на него полетят все ножи, которыми он жонглировал. Ей было легко следовать этому установленному ею же правилу игры.

Чувства и эмоции других – вот что было наградой за победу в её игре. Она собирала свою коллекцию страха, отчаянья, ужаса, страсти, вожделения, похоти и всего того, что многие люди боялись показать, ей не интересны были счастье, радость, спокойствие, умиротворение и эта любовь. Больше всего она ненавидела любовь, поэтому старалась сторониться тех мест, где её концентрат сбивал с ног.

Будучи живым призраком, она не оставляла следов и малейшую надежду остаться в памяти хоть какого-то человека физическим воплощением. Она была скорее для всех чувственной памятью. То, о чём не могут сказать и обрывают фразу с вдохновенным жестом руки: «Ну как тебе сказать...». Она была экстрактом, эссенцией, и если вдохнуть из этого маленького флакончика, то голова закружится от резкого и сбивающего с ног запаха, но на вопрос: «А что за аромат?» ответа так и не последует. Она была всем и ничем одновременно. Она любила эту свою способность и удивлялась, что сполна пользоваться может ей только она. Может, это награда такая, что она получила ещё при рождении, а может, наоборот, наказание. Но ей неинтересно было рассуждать на эту тему, слишком уж она была возбуждена, жонглируя своими ролями.

Ночь была для неё временем активности, только ночь высвечивает те самые чувства, острые и насыщенные, которые и питали её сложную натуру. День для неё был временем рутины

и офисных человечков, до автоматизма отработавших свои действия, – это были скудные и пресные эмоции, без жизненной силы и энергии. Она запиралась в своей маленькой квартире, плотно зашторивала окна, и если не спала, то читала. Читала она в основном о любви, она её не признавала, но любовь рождала в ней какие-то странные настроения и интересные мысли, от которых ей самой было противно, но эта противность была приятна.

Вообразив сполна идеальный мир любви, напивавшись этими отвратительными и желанными фантазиями, она собиралась на работу. Её работа была полной противоположностью того идеального мира чистоты. Искушенные властью и деньгами мужчины разных возрастов каждую ночь прятались в подвалах старых доходных домов, чтобы воплотить все свои мечты в реальность. Она была проводником, который наяву показывал им всё, о чем они в обычной дневной жизни боялись думать. Концентрат пота, влаги, искривлённых гримас, тел и зверских звуков был её наслаждением. Они чувствовали свою власть над ней, но, быть честной, она всегда знала, что она ими управляет, что она ведет их по той линии, которая приведёт её, ненасытную до чужих чувств и эмоций, к кульминации. Как Жан Гренуй, она со врожденной гениальностью злодея по капле вбирала их движения, звуки, мимику и соединяла всё в одну «колбу».

Очередная ночь сменилась утренним рассветом, все участники её ночного торжества «просыпались» от своих ночных кошмаров и возвращались в привычные будни. Она по обыкновению шла по своей любимой старой улице, которая ещё дышала торжественным, поэтичным и буйным началом 20-го века. Новый центр открывал перед ней стеклянные высотки, которые она старалась не впускать в свой нафантазированный мир. Заходила за кофе, по обыкновению, без молока и сахара, встречалась взглядом с не выпавшими людьми, которые как бы жалобно кричали глазами: «Спаси!» –, и старалась как можно быстрее исчезнуть с улицы и скрыться за шторами своей комнаты.

В дневнике новая запись. Её коллекция пополнилась ещё одним поставщиком чувств. Обычно, чтобы «расчувствовать» нового клиента, у неё уходило две недели, она проводила исследование: возраст, желания, семейное положение, намерения, открытость. Ей нравилась её так называемая исследовательская работа. Она анализировала мужчин и, кажется, была уверена, что она единственная, кто может их разоблачить. Разоблачение, однако, не подразумевало никакого компромата и тем более шантажа, скорее она всецело хотела таким образом разоблачить весь род мужской.

Всё это действо было похоже на ритуал, после которого она ощущала наполненность чувствами и, в тишине и замкнутости, с закрытыми глазами прокручивала в своей внутренней киноленте все чувства, эмоции, звуки, запахи.

Сегодняшний мужчина был слегка противен, и прокручивать пленку было, в сущности, скучно. Она взяла с полки томик одного русского классика. Чувственность прозы приводила её в восторг. Целомудренная эротичность историй оставляла шлейф тайны и откровения, те чувства, которые были дороги и тяжелы в «добыче». Она мечтала о таких мужчинах, но они были редки и не жаловали заведение, в котором она работала. Наполнив себя приятными ощущениями, она внезапно решила выйти в этот пасмурный осенний день на прогулку. Такое желание возникало редко, улица днём была собранием уставших и озабоченных людей, с невыразительными чувствами и эмоциями. Но нельзя не учесть спонтанность героини, время от времени заводившую её днем на улицу.

Она взяла наушники, в такие моменты музыка была её чувственным спасением и наполняла её внутреннюю «колбу». Тяжёлые тучи и уже проскальзывающий запах дождя одурманивали её «проголодавшуюся» натуру. Она шла быстро, будто летела по уже намеченному кем-то пути. Старые обшарпанные здания сменялись прозрачными стеклянными коробочками, зеленовато-оранжевые деревья небрежно касались её ветками. Она отпустила свой разум гулять по переулкам фантазийного мира. Будучи призрачным пустым сосудом, она могла только наблю-

дать и наполнять себя чувствами встречающихся ей людей, но никогда не заговорить с ними, переглянуться. Она плыла по улицам, оставляя только призрачный ветерок.

Вдруг её чувства обострились до предела, это как услышать очень громкий звук или увидеть яркую вспышку. Она ощутила это так, будто ток пронизывает всё тело и берёт его под контроль. Она мгновенно остановилась, люди продолжали идти и даже не заметили её резкого действия. Она оглянулась, но мир все жил своей размеренной жизнью, удручённой только надвигающимся осенним ливнем. Она начала сканировать своими внезапно обострившимися чувствами обстановку вокруг, такое с ней было только однажды. Пять лет назад, когда она нашла применение своему таланту в закрытых комнатах, скрывавшихся в подвалах домов, у неё был один клиент, который не желал показывать своего лица. Он ссылался на театральные традиции древних греков. Она сперва подумала, что он самовлюбленный актёршишка, но, после совершенного «действия любви», как он это называл, она впервые ощутила что-то большее, чем удовлетворение от физического акта, повлекшее всплеск эмоционального состояния и, как итог, приведший к сбору «чувственного» урожая. Так и теперь, внутри будто что-то екнуло, она не могла контролировать свои чувства, что для неё было совершенно неизвестным состоянием, приближённым к страху.

Визуально она ничего не заметила. Решив, что это лишь минутная реакция организма на погоду, людей и, в принципе, окружающую обстановку, она продолжила свой путь, но уже вернувшись из фантазийного мира в реальный. Дома она, по обычаю, зашторила окна и взяла первую попавшуюся книгу с полки, чтобы отвлечься от пережитого. Но это не спасло, она все возвращалась мысленно к этому странному чувству и пыталась понять, что это было. Не удавалось, её это страшно раздражало, она отложила книгу и начала ходить по комнате, подавляя эмоциональную напряженность физической. Спала она скверно. До работы оставался час. Она не любила работать, хорошо не отдохнув перед: впечатления от эмоций не доставляли удовольствия, при том аккумулировать чувства было сложнее и на это тратились сверхсилы.

Придя на работу, она взяла заказ, не глядя на условия, сегодня ей было совершенно всё равно, что желает клиент, сегодня она будет роботом по исполнению желаний. Она переоделась, взяла все необходимое и зашла в комнату. Не успела она закрыть за собой дверь, как её сбила с ног та энергия, которая сегодня вывела её из строя и стала предметом переживаний.

Глава 2

Знакомая маска глядела на неё деревянными глазами. Внутренний неконтролируемый трепет. Она первый раз не знала, как себя вести. Он взял её за руку, она даже не поняла, как он оказался рядом. Повел за собой, она не сопротивлялась. Её тело полностью перешло под его контроль. Плавность движений, с которой он управлял ею была чарующей. Следующие волнительные мгновения были для неё торжеством чувств и бурным всплеском самых острых эмоций. Этот знакомый незнакомец был чистейшим воплощением чего-то неизвестного ей, но яро желаемого. Он перевернул все предыдущие «колбы», разлил их, разбил, растоптал. В их первую встречу она не сразу поняла кто перед ней и собрала только малую часть с поверхности его чувств. Сейчас же это было словно кульминация в музыке или танце, или чистейший цвет в живописи, катарсис, наивысшая точка духовного и физического наслаждения. Впервые для неё физический акт сопровождался духовным соединением. Впервые подчинялась она и позволяла в этом танце вести мужчине.

Они лежали друг против друга. Он в маске, а она впервые без. Молчали. Они уже всё друг другу сказали, они уже всё друг про друга знали. Прошло около десяти минут, кажущиеся вечностью. Он молча поднялся, не снимая маску оделся и вышел. Некоторое время она лежала, собирала по крупицам всё произошедшее. Её уже ждал следующий клиент, к которому она не торопилась и даже бы не пошла, но контракт – бумажка, которая за неё решает, где, с кем и когда.

Следующий клиент был уже ей знаком. Она всё сделала, не особенно вовлекаясь в процесс, быстро собралась и ушла с работы раньше положенного. Впрочем, этого даже никто и не заметил. Её призрачность не раз помогала ей, но сейчас как никогда была ей очень полезна. Она не помнила, как дошла до дома, добралась до кровати и крепко уснула.

Она проспала почти сутки. Она не видела сны и не просыпалась ночью, что было редкостью. Она не вспоминала прожитый день, он и его герой были для неё сном или кошмаром, или счастьем.

В окружающем мире ничего не изменилось: люди также продолжали просыпаться в 6:30, наглаживали свои рубашки, пили кофе, целовали своих жён и мужей на прощанье, отвозили детей в школу, сидели в офисах, заполняли таблички, о чем-то разговаривали с коллегами, стояли в пробках, покупали на ужин стейк и овощи, целовали жену или мужа по приходе домой, запивали ужин пивом или вином, если вдруг такое настроение, пролистывали каналы в надежде найти что-то нескучное на вечер, пролистывали ленту соц. сетей, расправляли кровать, давали наставления детям как правильно жить, желали всем спокойной ночи и с утра повторяли вышеперечисленное ещё десятки и сотни раз.

Она встала с кровати и раздвинула шторы. Солнечные лучи резко пробрались в комнату, и она молниеносно зашторила окна. Она удивилась, что вообще потянулась приоткрыть эту завесу между ней и миром. Она медленно приходила в себя, кажется, что вчерашнего дня совсем не было, но воспоминания начали приходить постепенно, кажется, она начала ощущать их кожей. Ей совершенно не свойственна тактильность, что может показаться чересчур странным, учитывая специфику её профессии. Но она всегда старалась ощущать не телесно, но чувственно, собранные чувства скорее аккумулировались в её разуме, а уже телесные импульсы были побочным эффектом. Сейчас не так, физические ощущения его прикосновений начали её пугать. Нет, это была не она, нет, она не могла допустить такого, она не могла передать бразды правления, она не могла потерять контроль, она не могла поддаться иным чувствам кроме страсти, грубой и похотливой. Это было не то. Что именно, она не понимала, очень хотела понять, но внутреннее предчувствие подсказывало ей не идти за этим желанием.

В этот день она решила не ходить на работу. Она выпила кофе, съела что-то незначительное, чтобы только утолить голод и вернулась обратно в постель. Только не думать, только не вспоминать. Она включила музыку. Приятный мужской голос пел что-то на итальянском. Что-то про удивительную жизнь. Она встала и начала танцевать в такт, занимая свои мысли ритмом и словами песни, которые она пыталась воспроизвести. Каждое движение вычерчивало в её памяти прикосновение его рук, каждое пропетое, непонятное ей слово, рождало вздох, такой же, как и его вчера. Оставив все попытки не вспоминать, она решила пойти от обратного и зафиксировать каждую деталь прожитого накануне.

Сначала все сливалось в хоровод прикосновений, отдельных несвязных отрывков. Постепенно, она сложила каждую деталь воедино и нарисовала картину случившегося. В этой картине она видела отчетливо себя, впервые она видела себя со стороны. В её киноленте памяти она была главной героиней, не мужчина, не его чувства, а она. Сердце бешено забилося. Страх начал подступать к горлу. Она не могла быть главной героиней даже своей собственной памяти – она призрак, она усвоила это с детства. В её жизни на первом месте была только придуманная ею игра, но не она сама. Ей никогда не было интересно кто она. Это было как будто в порядке вещей, какой человек вообще задумывается кто он: у кого-то есть семья, и этот кто-то думает о семье, у кого-то есть работа, и этот кто-то думает о работе, у кого-то есть зависимости, и этот кто-то думает о зависимостях. Список кого-то и их объектов для раздумий можно перечислять и перечислять, у неё же была игра. Но её у себя не было.

Она начала рыться в своих тумбочках и шкафах, к которым она прикасалась только во время уборки. Она хотела найти ручку и какой-нибудь листок, мысль о себе, как о человеке съедала её – необходимо было выпустить её наружу. Когда в книгах героини вели записи в днев-

никах или в письмах к кому-то рассказывали о себе и своих чувствах, она только с циничной ухмылкой называла их сентиментальными дурочками. Сейчас она сама для себя была дурочкой, для которой было необходимо написать на листке «Я человек».

Наконец она нашла клочок листика, вырванного из ежедневника риелтора, который помогал ей искать квартиру. С одной стороны был его номер и имя, другая же была подходящей, чтобы написать эти два слова. Выпустив их наружу, она начала испытывать облегчение. Перечитывая и перечитывая написанное, она укореняла в себе эту мысль.

Наконец, успокоившись и вернувшись в обычный ритм жизни, она решила выйти на улицу. Да, опять туда. Желание странное, но будто бесцельное скитание помогало ей «проснуться», выйти из состояния, в котором она была призраком. Погода тоже способствовала этому желанию. Октябрь чувствовал настроение и защищал тучами всех любителей осенней меланхолии, иногда приводил их в чувства дождем.

В наушниках что-то из классики, медленное и тягучее. Она решила начать с детства. Ха, ну да, с чего бы ещё начинать копаться в своих проблемах и неудачах. Но, да, что есть, то есть. Непримечательные эпизоды со школы, обезьяноподобные одноклассники, змеевидные учителя, зоопарк, в котором она была посетителем, мечтающим выпустить их всех. Одиночество, книги. Это все. Что в этом плохого? Недоверие миру? Может быть, но кто ему доверяет? Да, она выстроила стену вокруг себя, никого не впускала и сама не выходила из-за неё. Для остальных стена слилась с окружающим миром и скрыла её вовсе. Отсюда и её призрачность. Да ей даже нравится это, но почему вдруг внезапный незнакомец заставил её испытывать такие, до этого не знакомые, чувства и эмоции?

Она начала вспоминать всех, с кем её связывали близкие отношения. Их на самом деле было мало, двое. Один одноклассник, с которым они вместе постигали тайны сексуальных отношений. Неплохой мальчик, но изрядно глупый и пошлый. Дарил одну розу в целлофане, называл «малышкой». Для первого опыта сойдет. Второго она встретила в институте. Да, она училась в институте, который закончила с красным дипломом, впрочем, скучно об этом вспоминать даже ей самой. Второй был более романтичный, что вызывало в ней больше отвращения, чем в первом, но, благодаря ему, она научилась играть в свою игру. Он неплохо читал стихи и что-то брэнчал на своей гитаре, но был совершенно не раскрепощённым, да к тому же девственником. Когда она научила его искусству физических отношений, он раскрылся с совершенно другой стороны, как будто все самые темные его желания ждали именно её. С каждым разом он вел себя жестче и властнее. Сначала ей это нравилось, но потом он стал переходить границы. Когда она его бросила, он расплакался. Она поняла, что больше ни с кем он не будет таким, а только она, её тайная способность могли пробудить в нём его скрытый потенциал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.